

РОБОСТЬ ПЕРЕД САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Более полугода ведется на страницах «Советской России» разговор о проблемах современного театра. За это время со своими размышлениями о творчестве, об ответственности таланта и доверии таланту, о критике выступили Игорь Горбачев, Михаил Рошин, Михаил Ульянов и дважды — Игорь Ильинский. Сегодня мы предоставляем слово одному из известных режиссеров «нового поколения», главному режиссеру Центрального академического театра Советской Армии Юрию ЕРЕМИНУ.

ЧТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ происходит с театром? Да — рождаются интересные спектакли. Да — появляются режиссерские имена. Да — есть и интересные пьесы... И все-таки по-прежнему не удовлетворены ни мы — те, кто «делает театр», ни зрители. Подлинных открытий мало.

Одна из причин, по-моему, тут в том, что у нас в театре застоялась кровь. Живой дух живого театра сформировал поколение режиссеров шестидесятых годов. Они для нас так и останутся единым поколением, как бы сегодня ни «расходились», ни «менялись» творчески. — Ефремов и Эфрос, Товстоногов и Гончаров, Захаров, Хомский. Тогда, на волне общественного подъема, в театре многое как бы открывали заново. Рождались новые стили, направления, творческие манеры. Как и всякое истинно активное, творческое поколение, «шестидесятники» внесли в жизнь новые, плодотворные творческие идеи, которые развивали, а в чем-то и опровергали (это нормально, ведь жизнь меняется) опыт предшественников.

А что происходит сейчас? Многие из нас, нынешних сорокалетних, которые должны были продолжить начинания известных и уже утвердившихся мастеров 60-х годов, по-прежнему как-то не определились и зажимаются в своих укромных уголках частными, иногда случайными, индивидуальными поисками и разрабатками. Тут, конечно, сыграло свою роль и время, когда мы входили в жизнь. Оно было не таким ярким, не таким объединяющим. Но только ли время повинно? «Спокойное» время не помешало литературе (имею в виду прозу) достичь социальных, философских, художественных высот и в известной степени подготовить сегодняшние позитивные сдвиги в нашем обществе. Театр же почему-то оказался на запяточках литературы.

Почему? Думаю, по крайней мере по двум взаимосвязанным причинам. Из-за боязни всего нового, смелого, честного, открытого, которая была свойственна органам культуры, и из-за недоверия таланту. Об этом хорошо и точно говорилось в выступлениях на съезде партии. То, что в литературе считалось нормальным, естественным — в театре отвергается как недопустимое.

О таланте сегодня в театре почти перестали говорить, он как бы не очень нужен. Даже удивляешься порой: можно и без таланта сыграть и получить самую блестящую прессу, а со временем и авания, и премии, и награды. А можно поразить зал своей вдохновенной игрой и остаться никому не нужным, как бы лишим. Вряд ли даже тут нужны примеры. У каждого театрала они свои, и на памяти.

У нас в российском театре есть плеяда первоклассных артистов. Почти в каждом театре. В свое время я работал на периферии, много ездил и везде, в любом большом коллективе, встречал пять-шесть крупных, талантливых актеров. Но их духовный потенциал зачастую мало используется. Зато есть известная плеяда «народных артистов» (не называю конкретно, мне это не к лицу, как режиссеру другого театра, но они все на виду), которые уже давно играют серо, неинтересно — а критикой всякая их работа принимается «на ура». Бывает, что знаменитые тяжелоатлеты выйдут на помост и... не возьмут веса. И все увидят, что вес не взят. А в театре некоторые «народные» артисты (и целые коллективы) уже давно не «берут творческого веса», но все вокруг делают вид, что берут. Звание для них как бы индульгенция, отпущение грехов. Громкое имя папы или мамы — тоже индульгенция. Я смотрю почти все дипломные спектакли театральных вузов — и все чаще вижу на сценах сыновей и дочерей известных и действительно хороших артистов или ответственных работников. Увы, сразу видно: дети не в родителей. Но ведь играют! И, очевидно, на распределение им жаловаться не придется. Глядишь — и какая-то роль достанется, которую другой бы актер, без имени, сыграл, наверное, гораздо лучше. В такой атмосфере открытость и эмоциональность в театре уступают место рационализму, деловому расчету...

ТАЛАНТЛИВЫМ режиссерам не легче. Работники органов культуры нередко действуют, исходя из собственного вкуса, право же, нередко совсем не блестящего основательностью. «Трудная пьеса», «трудные герои» — вот достаточные основания для того, чтобы иногда «придержать» спектакль... Но не пора ли перестать стремиться к никому не задевающей легкости? Как искренне и правдиво эта мысль прозвучала на съезде. Хватит легкости. И драматург, и режиссер, и критик имеют право на полемику, право на творческую ошибку, на поиск. Иначе все острое будет превращаться в тупое. Все гражданское, публицистическое — в обтекаемое, аморфное, аполитичное. К политичности мышле-

ния часто призывают, но ее-то чаще всего и боятся. Определенности позиции, ярко выраженной авторской позиции. Легко проходит развлекательность, пародийность, бытовщина...

Я никак не могу понять, почему наши органы культуры не несут никакой ответственности за непоявление талантливого произведения? Ни разу не слышал, чтобы был наказан какой-то ответственный работник, который не пропустил спектакль, получивший впоследствии общественное признание и даже Государственную премию, — а случаи такие я знаю! По-моему, если в целом московском или российском сезоне почти не было подлинных удач — то органы культуры, за это ответственные. А они озабочены больше всего тем, «как бы чего не вышло...» Чего? А в результате, вместо того чтобы думать о большой, настоящей, художественной правде, постановщики думают: «Это — пройдет... А вот это — не пропустят» — и сами вычеркивают удачные сцены, упрощают и выхолащивают творчество.

Прав был Игорь Горбачев, когда он с трибуны партийного съезда призвал предоставить мастерам, талантам право на персональную ответственность и самостоятельность! Тогда и открытий, удач сразу станет намного больше. Так, сообщая мы и поднимем критерии художественности, которые сегодня застряли на недопустимо низком уровне.

Зритель, привыкший к усредненности нашего театра, и не ждет от него ничего. Растет во всеосюзном масштабе проблема зрителя и проблема качества зрителя. В областных театрах подготовленного, культурного зрителя хватает на три-четыре прогона хорошего серьезного спектакля, дальше идет «массовая публика», а вернее, не идет. Ибо ее отучили от серьезного спектакля. На Островского, Чехова, на «Оптимистическую трагедию» спокойно купишь билеты, а на мюзиклы и мелодраму длинные очереди. Надо всерьез вновь приучать зрителя к театру, а для этого открывать новые и новые залы и залчики, благо, энтузиасты среди актеров и режиссеров все-таки не перевелись. Напомню еще раз, что в Москве и России сейчас гораздо меньше театров, чем было до войны. Вот один из примеров. В Ростове, где я работал, прежде чем стать главным режиссером Центрального театра Советской Армии, было прежде 18 театров, а ныне — только 4. А ведь население значительно выросло. Так почему бы некоторым способным режиссерам, у которых нет своего коллектива, не предложить (предложить!) зал на 200 мест и небольшие труппы? Сейчас в Министерстве культуры СССР разработана программа

широкомасштабного театрального эксперимента, призванного разрешить многие из острых проблем. Не затягивать бы нам только — смелее внедрять новое и прогрессивное в жизнь.

Чем больше будет самых разнообразных театральных структур, тем больше станет спектаклей «во весь голос», тем активнее и смелее театр будет вторгаться в самые серьезные проблемы. Не надо бояться публицистики. Пришла пора и ставить «Районные будни» очеркиста Валентина Овечкина. Из очерка вышел один из хороших спектаклей последнего времени — «Вагончик» по пьесе Нины Павловой. Не надо бояться инсценировок. Театру необходимо умение анализировать и вечные вопросы, и вторгаться в конкретные проблемы. Как дальше развиваться русскому национальному самосознанию? Что делать? Как свалить гидру бюрократизма? Пусть все драматурги и режиссеры отстаивают свою точку зрения по таким вопросам. Пока искусство плетется за обществом, все еще очень робко переходя от эпохи сна к эпохе динамизма. А слово сказано, художникам надо идти дальше, выражать будущее.

КОНЧИЛОСЬ время разговоров. Нужны конфликт, катарсис, современная трагедия, современная драма. Но при этом не надо забывать и о художественности, о поиске форм. Зритель приходит в театр не только за узнаваемостью, но и за неожиданностью, он давно уже жаждет быть потрясенным. Жаждет истинно художественной правды на сцене. Жаждет крайностей, категоричности, а натывается на усредненную пьесу. Театр сегодня задыхается от серединности — немного печали, немного смеха, немного быта, немного романтики, немного ностальгии. Зрителя боятся волновать, пугать, разочаровывать, поражать. Заранее знаешь, кто победит, положительный герой как бы обречен на успех. Что же смотреть зрителю в такой пьесе? В жизни-то мы, начиная борьбу с подпольем, не всегда заранее знаем, чем она кончится. Негодование тоже полезно. Сомнение необходимо — иначе не дойдешь до правды.

Сегодня театру хочется жить не только отраженной жизнью «по мотивам», но и жизнью своего современника — таково ведение времени. Артистам надоело говорить банальности, жить надуманными проблемами, им нужен подлинный мир идеалов, более и страстей человеческих. Ведь именно эта мысль так страстно звучала на съезде партии. Проблема театра, воспитание зрителя — это сегодня проблема социальная. И решать ее надо всем нам вместе.